

«Веселые» 1920–1930-е годы: к вопросу о ключевом слове эпохи

В работе обосновывается возможность определения слова «веселый» как ключевого слова эпохи 1920–1930-х гг., несмотря на сложность и во многом трагичность того времени. Известное высказывание И.В. Сталина о том, что «жизнь стало веселее», на первый взгляд, привносит откровенно ироничную окраску прилагательному «веселый» как слову-знаку указанной эпохи. Предлагается рассмотреть этот вопрос ретроспективно, суммируя свидетельства разножанровых текстов и вербальную рефлексию творческой личности на свое время. Указывается, что «веселый» — в современном понимании «жизнерадостный, вызывающий смех и веселье» — содержательно более глубокое слово, хранящее древнейшие смыслы, которые на сегодняшний день проявляют себя прежде всего в культурных, фольклорных текстах славянского ареала. В исследованиях этнолингвистов, историков языка отмечается синкретичность семантики слов с общеславянским корнем *vesel-*, включающая в себя комплекс значений («обновление», «молодость», «рождение», «праздник», «огонь» и др.), в той или иной степени реализующихся в различных текстах, в первую очередь в произведениях художественной литературы. В контексте рассматриваемой проблемы в качестве показательного примера выбрана книга М. Зоценко и Н. Радлова «Веселые проекты» (1928); анализируются культурно-семантические ассоциации, связанные с ее заголовком и содержанием.

Ключевые слова: ключевое слово эпохи, культурная семантика, синкретичность значения слова, поэтическая рефлексия, веселая жизнь

The article substantiates the possibility of interpreting the word 'fun' as a key word of the 1920–30th era, despite the complexity and, in many ways, tragedy of this time. The famous statement of I. Stalin that "life has become more fun," at first glance, brings an openly ironic connotation to the word 'fun' as a word-sign of the era under consideration. It is proposed to consider this issue retrospectively, summing up the evidence of different genres of texts and the verbal reflection of a creative personality at his time. It is argued that 'fun', in the modern sense "cheerful, causing laughter and fun", is a meaningfully deeper word that preserves the most ancient meanings, which today manifest themselves primarily in cultural, folklore texts of the Slavic area. Studies by ethnolinguists and language historians note the syncretism of the semantics of words with the common Slavic root *vesel-*, which includes a complex of meanings ('renewal', 'youth', 'birth', 'holiday', 'fire', etc.), which are realized to one degree or another in various texts, especially in poetic texts. In the context of the problem under consideration, the book by M. Zoshchenko and N. Radlov "Fun Projects" (1928) was chosen as an illustrative example; cultural and semantic associations associated with its title and content are analyzed.

Keywords: keyword of the era, cultural semantics, syncretic meaning of the word, poetic reflection, fun life

Попытка определить, выявить основное, знаковое, символическое, ключевое слово восходит, как кажется, к давнему и устойчивому интересу лингвистики к актуальной, активной, культуроёмкой лексике национального языка, в пределах имеющей свойство выражать «вкус эпохи» [1], более того, быть презентатором «культурных констант» народа [2], его ментальных основ [3], «ключевых идей национальной картины мира» [4] и т.д.

Своеобразной репликой этого научного интереса и, как следствие, осмысления факта неизбежной кумуляции в слове важнейших социально значимых событий явилась общественная акция «Слово года», возникшая в 1970-е гг. в Западной Германии и к началу XXI в. охватившая многие страны Европы, в том числе и Россию. Иными словами, сугубо лингвистический вопрос ключевого слова получил отчетливо социальное звучание [5. С. 48], а с участием в акции, помимо ученых-филологов, ряда представителей общественных организаций и «простых граждан» он приобрел очертания некоего политико-идеологического проекта [6]. Да и в определениях лингвистов социальный компонент (социальное/всеобщее внимание), как представляется, выступает одним из основных показателей ключевого слова года, времени, эпохи (ср.: «Слово, обозначающее явления и понятия, находящееся в фокусе социального внимания» [7. С. 92]; «Слово, оказавшееся в центре всеобщего внимания» [8. С. 33]).

Оставив за скобками продолжающуюся дискуссию о признаках и методах определения ключевого слова в разных типах текстов, принимая во внимание предмет нашего наблюдения (знако-

вое слово «веселый» в 1920–1930-е гг.), остановимся на словосочетании «ключевое слово эпохи» как на не столько номинации социально значимого явления [9. С. 208], сколько вербальной фиксации «ценностных, культурных ориентиров общества конкретного времени» [10. С. 95], его внутреннего духовного содержания, нашедшего выражение в естественной речи и речи творческих людей одного поколения. Думается, такой ретроспективный взгляд на ключевое слово эпохи позволит (хотя бы отчасти) устранить факультативный в данном случае критерий злободневности «слова-хронофакта» [9. С. 208], чаще всего выражающийся в его неизбежной частотности и, как следствие, «навязчивой популярности» и даже «модности» [11. С. 80].

В нашем понимании ключевое слово эпохи может оказаться (в строго статистическом значении) совсем не частотным. При этом оно не всегда отражает текущую политическую или социальную жизнь государства, но оно непременно результат интуитивной, но очень точной рефлексии творческой личности на свое время, способной выразить самые яркие, самые сущностные его черты.

В качестве ключевого слова рассматриваемой эпохи прилагательное «веселый», особенно с позиции начала XXI в., звучит скорее вызывающе неправдоподобно, чем характеризующе емко и знаково. Усиливает это ощущение и то, что «веселый» как характеристика того времени устойчиво ассоциируется с известным высказыванием И.В. Сталина «Жить стало лучше, жить стало веселее», произнесенным незадолго до трагического 1937 г., что добавляет ему прочный привкус горькой и безнадежной иронии. В «Энциклопедическом словаре крылатых выражений» В.В. Серова — единственном собрании, фиксирующем «веселое» сталинское изречение, — ожидаемо указано, что «выглядит <оно> откровенным цинизмом и злой иронией на фоне разгула политических репрессий и гонений того времени» [12]. Не опровергая сказанного, отметим, однако, что эпитет «веселый» сопровождает слово «жизнь» в ту пору весьма регулярно и хронологически определенно раньше ставшего прецедентным сталинского тезиса, причем нередко в творческой рефлексии известных авторов 1920–1930-х гг., что весьма показательно и, видимо, не случайно: *Вот всё, чем мелькнуло Демьяново, из которого я в первых числах июля понесся в Луцк; там — новая, странная, веселая жизнь меня охватила* (НКРЯ¹. А. Белый. Между двух революций. 1934).

Это слово, очевидно, становится знаковой характеристикой особого восприятия той действительности, того образа жизни, которые проповедует и упорно формирует молодое государство. *А в городе и в стране уже ни на минуту не утихал свежий ветер. <...> Он видел, что начавшаяся в феврале веселая жизнь — со стрельбой, флагами, пением «Марсельезы» и «Варшавянки» — продолжается* (НКРЯ. А.И. Пантелеев. Ленька Пантелеев. 1938).

Вот и писатель Артем Веселый (Николай Кочкуров) после ряда неудачных, с его точки зрения, творческих имен выбирает себе отнюдь не случайный псевдоним — разумеется, не без влияния «прилагательных фамилий» других известных литераторов: *Чёрный, Белый, Бедный, Горький* и т.д. Автор многих разножанровых произведений, в том числе известного романа с откровенно невеселым названием «Россия, кровью умытая» (1932), считал свое творческое имя совершенно созвучным времени [13]. Эпитет «веселый» встречается в его произведениях довольно часто и, видимо, вполне органично вписывается в общий строй мироощущения писателя: *Недели через полторы с эшелонам фронтовиков я катил в тыл; горели помещичьи имения; кое-где уже пошаливали зарождающиеся банды; на Дону во славу революции, не умолкая, гремели пушки красногвардейских отрядов — веселая была дорога* (НКРЯ. Артем Веселый. Далекое зарево. 1933).

Другой писатель, Г. Белых, соавтор Л. Пантелеева по известной «Республике ШКИД» (1927), издает свой роман «Дом веселых нищих» (1930) о судьбах детей революционного и постреволуционного Петрограда. При этом слова «веселый», «весело», «веселье», как сквозные нити, пронизывают текст этого произведения. Контекстуальные связи «веселых» слов при этом весьма

¹ Здесь и далее: Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (02.10.2023).

показательны: *Было везде весело и празднично. Даже не верилось, что война еще не окончена. Все как будто забыли о ней; «Вот почти-ка мальцам. Больно веселая сказка...». <...> Читаю и вижу, что сказка-то не простая, а про нашего царя, и таким он палачом выведен, что даже **читать страшно*** (НКРЯ. Г. Белых. Дом веселых нищих. 1930).

И в забавном детском стихотворении Д. Хармса и С. Маршака «Веселые чижи» (1930), посвященном ленинградским детдомовским детям, на фоне многочисленных средств художественной выразительности устойчивым лейтмотивом также выступает жизнеутверждающий эпитет «веселый».

В 1934 г. выходит на экраны комедия Г.В. Александрова «Веселые ребята», смеховое начало которой по жанру было неизбежно, однако современниками оно оценивалось весьма неоднозначно. Так, один из сценаристов фильма, Н. Эрдман, назвал фильм «постыдным и глупым бредом». Властям же и массовому зрителю фильм очень понравился — видимо, по той же причине созвучности времени:

Фильм получился про бодрость, жизнерадостность, про победу домработницы Анюты над ничтожной барышней Еленой Сергеевной, про веселых музыкантов из «обезьяньего джаза», которым ничего не страшно [14. С. 33].

Текстом в тексте выступают песенные стихи В.И. Лебедева-Кумача «Марш веселых ребят» (муз. И.О. Дунаевского) с начальной строчкой «Легко на сердце от песни веселой». При этом «веселость» молодых людей, «покоряющих пространство и время», согласно тексту марша, вовсе не означает безудержную праздность, как раз напротив: она заключается в том, что «молодые хозяева земли» имеют замечательную возможность «петь и смеяться, как дети», но непременно «среди упорной борьбы и труда» [15. С. 285].

Чуть раньше знаменитой комедии Александрова, в 1929 г., выходит немой фильм «Веселая канарейка» о революционном подполье, героически сражавшемся в занятой интервентами Одессе. Фильм был чрезвычайно популярен, но критиками и мастерами кино признан откровенно неудачным, потому «имел худшую прессу в творческой биографии» его режиссера Л.В. Кулешова [16. С. 116]. Однако и в названии, и в содержании его видна та же игра контрастных по оценочной шкале явлений: мещанское, пошлое (т.е. затхло-прошлое) название кабака «Веселая канарейка» и полная опасности и позитивной созидательности борьба коммунистов-подпольщиков.

Одним из показательных произведений, наиболее ярко отразившим «веселую» жизнь ранней советской эпохи, является, на наш взгляд, книга М.М. Зоценко и Н.Э. Радлова «Веселые проекты» (1928) [17]. Как известно, заглавие задает смысловой вектор развития идеи произведения, в данном случае обусловленный и системными семантическими связями вербальных компонентов заголовка, и глубокой культурной семантикой одного из них — эпитета «веселый». Примечательно, что «проект» — слово для эпохи 1920-х гг. относительно новое, «технократическое», явно чужое, но очень модное, поскольку связано с духом масштабных преобразований государства². Слово же «веселый» на его фоне кажется невероятно «домашним», а потому очень понятным и ясным («склонный к веселью, жизнерадостный; вызывающий, производящий веселье» [18. Стб. 259]). Контрастное соединение этих компонентов в единый заголовочный комплекс создает неизбежное игровое начало, во многом определяющее характер повествования. Показательно, что название книги «Веселые проекты» дополняется подзаголовком «Тридцать счастливых идей». Набранный шрифтом гораздо меньшего размера, подчеркнуто дистанцированный, помещенный в скобках подзаголовок, с одной стороны, выполняет соответствующую ему второстепенную функцию, а с другой — выступает средством актуализации содержания основного заглавия.

² См.: «...тридцать оригинальных проектов, связанных с последними достижениями техники» [17. С. 3].

Корреляция «веселый-счастливый» приводит к оживлению культурной семантики слова «веселый». Так, по мнению Н.И. Толстого, общеславянский корень **vesel-* имеет устойчивое инвариантное значение «нового, рождающегося, молодого, растущего, процветающего» [19. С. 294]³.

Иными словами, подзаголовок подключает семантическую периферию обновления, вовлекает в поле воспринимающего сознания ассоциативно-культурные связи: веселье-радость, веселье-игра, цветенье, огонь [Там же. С. 314]. Веселье, по замечанию В.В. Колесова, — это непременно «совместное жизнерадостное состояние»; в отличие от «личной радости», оно обычно сопровождается «праздником, пиром и ликованием» [3. С. 91]. «Веселый», таким образом, — это еще и «громкий», «ликующий», живущий верой в «будущее благополучие» [Там же].

И поэтический слух чутко улавливает эти смыслы, что отражается в стихах поэтов одного (с Зощенко и Радловым) поколения. Так, Э. Багрицкий предвещает приход *среди грома и песен* революционной России «веселого странника», спасителя обездоленных:

А к северу яругами бредет
Веселый странник, ясные глаза
Подняв в **гремящее от песен небо** <...> (1921)⁴ [20. С. 135].

Примечательно поэтому, что в корреляции «веселье-радость» могут выявляться самые различные связи — от синонимии до отчетливого противопоставления (например, в оппозиции «сакральное-земное» [19. С. 314]). По существу, заглавие («Веселые проекты») не столько информирует о содержании книги, сколько актуализирует многочисленные культурные ассоциации, связанные со словом «веселый», знаково характеризующим эпоху. Исходные, архаичные смыслы, сохраняющиеся в старом слове, чутко улавливаются авторами, творчески интерпретирующими это время.

Заметим, что «Веселые проекты» Зощенко и Радлова посвящены злободневным, преимущественно бытовым, темам 1920-х гг. Обращение к наболевшим, широко известным и получившим сатирическое истолкование сюжетам реализуется в «Веселых проектах» двояко: с одной стороны, с помощью комического алогизма, гиперболизации отдельного фрагмента происходит освежение вечных тем и образов, с другой — утверждается идея трудного, но неизбежного преодоления с надеждой на лучшее завтра. Эта двоякость отношения к сложному времени обеспечивает не ироничную, а вполне естественную «веселость» всей книги.

В художественном пространстве творчества Зощенко повторяющийся эпитет «веселый» (прежде всего в заглавии) становится знаком особого, неоднозначного отношения к изображаемому. Сборник «Веселая жизнь», рассказы «Веселая игра», «Веселая Масленица», «Веселое приключение» и другие как будто создают «веселый мир» М. Зощенко, полный юмора и смеха, но сквозь смех всегда проступают слезы, равно как сквозь слезы неизменно проступает смех. Время обновления как мечта о прекрасном завтра всегда радостно, но как сегодняшние трудные будни оно сложно и противоречиво. *Труд, как и прежде, проникнут жизнерадостной философией, в которой, так сказать, сквозит грусть сквозь слезы* [21. С. 5].

«Веселый мир» Зощенко полон участия к маленькому человеку революционной и постреволюционной эпохи, попавшему в круговорот событий, не успевающему за ними, потому нередко умеющему воспринимать его как непрекращающееся и непонятное обновление привычной жизни. Это ли не «веселое время» в сумме проявленных смыслов древней синкреты, заключенной в корне *vesel-*?

³ Заметим попутно, что А.А. Ахматова не случайно называет свое время «одним вздохом» до «неистового цветенья» [20. С. 3], отчетливо фиксируя отмеченный мотив «цветения».

⁴ «Тиль Уленшпигель — герой народных легенд, певец свободы, “веселый странник, плакать не умеющий”» [20. С. 552].

Традиционно выделяемые для ключевого слова признаки: высокая частотность, в том числе использование в заголовочных комплексах и рубриках, словообразовательный потенциал, языковая рефлексия, текстогенность [8. С. 34]), как видим, отчасти применимы к эпитету «веселый» как знаковому слову эпохи 1920–1930-х гг. Однако необходимо учитывать важнейшее его качество, редко отмечаемое исследователями, — быть выразителем глубинного, концептуального содержания эпохи, не всегда осознаваемого ее современниками, но остро и чутко ощущаемого творческой личностью, художником слова прежде всего.

Литература

1. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. СПб.: Златоуст, 1999. 330 с.
2. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
3. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.В. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 1. 592 с.
4. Зализняк А.А., Шмелев А.Д., Левонтина И.Б. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
5. Иссерс О.С. В поисках общего словаря: дискурсивные практики новейшего времени через призму проектов «Слово года» // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 48–53.
6. Бiryukova M.V. Акция «Слово года» как индикатор актуальных тенденций в обществе и в языке // Актуальные вопросы современной лингвистики. М.: МГОУ, 2021. С. 11–15.
7. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 90–141.
8. Шмелева Т.В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. 1993. № 1. С. 33–41.
9. Фомина З.Е. Слова-хронофакты в языке политических текстов // Язык и эмоции. Волгоград: Перемена, 1995. С. 207–215.
10. Попова Л.А. Ключевые слова современности: проблема термина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 5. С. 93–97.
11. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие. М.: Логос, 2001. 304 с.
12. Серов В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2005. 880 с. URL: <http://uchitel-slovesnosti.ru/slovari/15.pdf> (02.10.2023).
13. Весёлая Г., Весёлая З. Судьба и книги Артема Весёлого. М.: Аграф, 2005. 376 с.
14. Глущенко И.В. М. Булгаков и «веселая жизнь» 1930-х гг. // Михаил Булгаков в потоке российской истории XX–XXI веков. М.: Государственное бюджетное учреждение культуры города Москвы «Музей М.А. Булгакова», 2017. С. 31–49.
15. Лебедев-Кумач В.И. Избранное: стихотворения, песни. М.: Худож. лит., 1984. 372 с.
16. Кулешов Л.В., Хохлова А.С. 50 лет в кино. М.: Искусство, 1975. 304 с.
17. Зоценко М., Радлов Н. Веселые проекты: (тридцать счастливых идей). Л.: Красная газета, 1928. 30 с.
18. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Сов. энциклопедия: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 1. 1562 стб.
19. Толстой Н.И. Культурная семантика славянского *vesel- // Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 289–316.
20. К огню вселенскому: русская советская поэзия 1920–30 годов / сост. Е.В. Грекова. М.: Правда, 1989. 585 с.
21. Зоценко М., Радлов Н. Счастливые идеи. Л.: Изд-во писателей Ленинграда, 1931. 64 с.

References

1. Kostomarov V.G. Iazykovoi vkus epokhi. St. Petersburg: Zlatoust, 1999. 330 s.
2. Stepanov Yu.S. Konstanty: slovar' russkoi kul'tury. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1997. 824 s.
3. Kolesov V.V., Kolesova D.V., Kharitonov A.V. Slovar' russkoi mental'nosti: v 2 t. St. Petersburg: Zlatoust, 2014. T. 1. 592 s.
4. Zaliznyak A.A., Shmelev A.D., Levontina I.B. Kliuchevye idei russkoi iazykovoi kartiny mira. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2005. 544 s.
5. Issers O.S. V poiskakh obshchego slovaria: diskursivnye praktiki noveishego vremeni cherez prizmu proektov "Slovo goda" // Politicheskaia lingvistika. 2014. No. 4. S. 48–53.
6. Biryukova M.V. Aksiia "Slovo goda" kak indikator aktual'nykh tendentsii v obshchestve i v iazyke // Aktual'nye voprosy sovremennoi lingvistiki. Moscow: MGOU, 2021. S. 11–15.
7. Zemskaya E.A. Aktivnye protsessy sovremennoego slovo proizvodstva // Russkii iazyk kontsa XX stoletia. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1996. S. 90–141.
8. Shmeleva T.V. Kliuchevye slova tekushchego momenta // Collegium. 1993. No. 1. S. 33–41.
9. Fomina Z.E. Slova-khronofakty v iazyke politicheskikh tekstov // Iazyk i emotsii. Volgograd: Peremena, 1995. S. 207–215.
10. Popova L.A. Kliuchevye slova sovremennosti: problema termina // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. No. 5. S. 93–97.
11. Valgina N.S. Aktivnye protsessy v sovremennom russkom iazyke: ucheb. posobie. Moscow: Logos, 2001. 304 s.
12. Serov V.V. Entsiklopedicheskii slovar' krylatykh slov i vyrazhenii. Moscow: Lokid-Press, 2005. 880 s. URL: <http://uchitel-slovesnosti.ru/slovari/15.pdf> (02.10.2023).
13. Vesjolaya G., Vesjolaya Z. Sud'ba i knigi Artyoma Vesyologo. Moscow: Agraf, 2005. 376 s.
14. Glushchenko I.V. M. Bulgakov i "veselaia zhizn'" 1930-kh gg. // Mikhail Bulgakov v potoke rossiiskoi istorii XX–XXI vekov. Moscow: Gosudarstvennoe biudzhethnoe uchrezhdenie kul'tury goroda Moskvy "Muzei M.A. Bulgakova", 2017. S. 31–49.
15. Lebedev-Kumach V.I. Izbrannoe: stikhotvoreniia, pesni. Moscow: Khudozh. lit., 1984. 372 s.
16. Kuleshov L.V., Khokhlova A.S. 50 let v kino. Moscow: Iskusstvo, 1975. 304 s.
17. Zoshchenko M., Radlov N. Veselye proekty: (tridsat' schastlivykh idei). Leningrad: Krasnaia gazeta, 1928. 30 s.
18. Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: v 4 t. / pod red. D.N. Ushakova. Moscow: Sov. entsiklopediia: OGIZ, 1935–1940. T. 1. 1562 stb.
19. Tolstoy N.I. Kul'turnaia semantika slavianskogo *vesel- // Iazyk i narodnaia kul'tura: ocherki po slavianskoi mifologii i etnolingvistike. Moscow: Indrik, 1995. S. 289–316.
20. K ogniu vselenskomu: russkaia sovetskaia poeziiia 1920–30 godov / sost. E.V. Grekova. Moscow: Pravda, 1989. 585 s.
21. Zoshchenko M., Radlov N. Schastlivye idei. Leningrad: Izdatel'stvo pisatelei Leningrada, 1931. 64 s.

Садова Татьяна Семеновна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка,
Санкт-Петербургский государственный университет

Sadova Tatiana S.,
Doctor of Philology,
Professor of the Russian Language Department
St. Petersburg State University

e-mail: tatsad_90@mail.ru

Лукьянова Людмила Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой русского языка
Санкт-Петербургский государственный
лесотехнический университет им. С.М. Кирова

Luk'yanova Lyudmila V.,
Candidate of Philology, Docent,
Head of the Russian Language Department
St. Petersburg State Forest Technical University named after S.M. Kirov

e-mail: lykianovaludmila@mail.ru

